

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
26 (89)

ФИЛОЛОГИЯ
И
ИСТОРИЯ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1978

На основании каталога автором составлены также таблицы аббревиатур монетных дворов для монет каждого шаханшаха, которые затем сведены в общую таблицу.

В заключение дается анализ материала, помещенного в каталоге, в сравнении с материалами других кладов, отмечаются палеографические особенности и кажущиеся отклонения от нормы (проверить их трудно из-за недостатка иллюстраций), перечисляются редкие монеты, до сих пор не отмеченные в изданиях или отличающиеся от изданных временем выпуска. Автор выражает надежду, что предлагаемая работа внесет свой скромный вклад в расширение источниковедческой основы истории Сасанидов. Есть все основания полагать, что вклад этой работы в изучение сасанидской нумизматики более значителен. Исследование подкупает читателя своей скрупулезностью, хорошим знанием источников и литературы вопроса, обнаруживает новый подход к изучению материала. К заслугам Г. Зимона следует отнести и обширное знание литературы по нумизматике, опубликованной в России и СССР.

А. И. Колесников.

Л. Х. Вильскер. *Самаритянский язык*. М., 1974, 96 с. («Языки народов Азии и Африки»).

История и культура самаритян — небольшой народности, живущей в Палестине, уже на протяжении нескольких веков привлекают внимание исследователей. Любопытна языковая ситуация, сложившаяся у самаритян: в качестве разговорного языка самаритяне, проживающие в городе Набулусе (Западная Иордания), употребляют арабский язык (точнее, один из говоров сирийского диалекта), а самаритяне из Холона (район Тель-Авива) — иврит; в средние века все самаритяне в быту говорили по-арабски, а в литературных произведениях использовали три языка: древнееврейский, арабский и самаритянский (особый диалект арамейского языка). Самаритянский язык был разговорным языком самаритян с момента образования самаритянской общины (IV в. до н. э.) до VIII в. н. э.

Самаритянский язык изучен еще недостаточно. Немногочисленные грамматические очерки этого языка¹ основаны на сравнительно небольшом количестве лингвистических источников, дают неполное и неточное представление о языке и в ряде положений устарели.

Рецензируемая книга — первый на русском языке грамматический очерк самаритянского языка. Эта книга выходит за рамки чисто лингвистического исследования, поскольку она знакомит читателя с основными фактами истории самаритян, жанрами и памятниками самаритянской литературы, самаритянской палеографией и самаритянским календарем.

«Введение» начинается с краткого раздела «Из истории самаритян». Заключительный абзац этого раздела (с. 11) характеризует современное положение самаритян. К сожалению, автор не успел использовать поступившую в Государственную Публичную библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина копию неопубликованных материалов переписи самаритян, осуществленной в 1971 г. сотрудником Западноберлинского университета З. Шуннармом. Согласно этой переписи, точное число самаритян — 422 человека, из них в Набулусе проживает 283, а в Холоне — 139. Чрезвычайно интересное сообщение о начале книгоиздательской деятельности у самаритян желательно было бы подкрепить ссылкой на конкретные изда-

¹ P e t e r m a n n J. H. *Brevis linguae samaritanae*. Berolini, 1872; R o s e n b e r g J. *Lehrbuch der samaritanischen Sprache und Literatur*, Wien, 1901.

ния или хотя бы на научные и библиографические источники, где таковые упоминаются.

В следующем разделе («Место самаритянского среди арамейских языков») автор лаконично и четко сумел дать представление о целой группе семитских языков, распространенной в течение долгого времени на большой территории. Следует лишь отметить одно досадное упущение: говоря об арамейских надписях, автор пропустил ссылку на «Словарь арамейских надписей» И. Н. Винникова, издававшийся в 1958—1965 гг. отдельными выпусками в «Палестинском сборнике», хотя этот словарь и учтен в «Библиографии» (№ 8).

Далее автор предлагает периодизацию самаритянского языка и самаритянской письменности, выделяя следующие этапы:

1. Древний период (IV в. до н. э.—VIII в. н. э.), когда самаритянский язык был разговорным.

2. Период вытеснения самаритянского языка арабским из разговорной речи и одновременно — активного литературного творчества на самаритянском языке (IX—XII вв.).

3. Период отмирания самаритянского языка (с XIII в. до наших дней). Важным разделом работы является «Обзор источников» (с. 13—16). Здесь перечислены основные памятники самаритянской литературы и письменности: самаритянская редакция Пятикнижия и таргум (самаритянский перевод Пятикнижия), поэзия, грамматические сочинения, летописи, надписи и календари. К сожалению, из этого списка выпала ценная группа источников, постоянно привлекаемая автором в данной работе, — документы (в частности, брачные контракты). Они отмечены лишь в приложении (с. 85) и в списке использованных рукописей. Название псевдоисторической хроники «Асатир» (с. 15) нам кажется более правильным перевести не «История», а «Сказания, предания». Именно такое значение имеет это слово в арабском языке,² откуда оно было заимствовано самаритянами; в пользу подобного перевода свидетельствует и отмеченная автором связь этой хроники с фольклором.

Заканчивается «Введение» кратким разделом «История изучения самаритянского языка», где автор подчеркивает значение рукописей для исследования самаритянского языка, перечисляет книгохранилища, обладающие фондами самаритянских рукописей и называет имена виднейших самаритяноведов.

В главе «Письмо, чтение и звуковой состав» отмечаются два типа самаритянского письма — «строгое» письмо и полукурсив. Оба этих типа приводятся в таблице букв самаритянского алфавита (табл. 1). Отмечается также наличие текстов, написанных на арабском языке самаритянским письмом и наоборот — на самаритянском языке арабским письмом с приложением двух таблиц (№ 2 и 3). Было бы желательно привести здесь еще одну таблицу — соответствия самаритянских букв еврейским (поскольку все культовые и литературные тексты на древнееврейском языке передаются самаритянами *только* в самаритянской графике).

Большой интерес представляет раздел «Обозначение гласных и другие добавочные знаки» (с. 22—23), где выводы предшественников автора дополнены его собственными наблюдениями, в частности открытием специальных знаков, употреблявшихся для различения местоименных суффиксов 3-го лица единственного числа мужского и женского рода.

Очень тщательно описаны фонетические особенности самаритянского языка (с. 23—30), при этом широко привлекается сравнительный материал из других арамейских языков. Автор не только фиксирует современное произношение самаритян, но и делает ряд выводов по истории самаритянского консонантизма. В частности, заслуживает внимания утверждение автора о существовании у самаритян в XV в. спиранта t (с. 26).

² Коран, 6, 25; 8, 31; 16, 24; 23, 83; 25, 5; 27, 70; 46, 16; 68, 15; 83, 13.

В главе «Морфология» подробно разбираются различные способы словообразования, категории имен существительных и прилагательных, формы числительных и местоимений, глаголы, наречия, предлоги, союзы, частицы и междометия. Каждая форма, каждое грамматическое правило иллюстрируется большим количеством примеров. К сожалению, ни в этой главе, ни в других главах примеры не документированы (даже в тех случаях, когда приводятся большие фразы).

Очень содержательна глава «Синтаксис», несмотря на сравнительную ее краткость (с. 68—74). Следовало бы только в преамбуле главы более четко провести мысль, что для синтаксической характеристики самаритянского языка необходимо использовать в первую очередь оригинальные (не переводные) сочинения, на что справедливо обращает внимание автор в своей кандидатской диссертации.³

В главе «Лексика» автор выделяет различные пласты самаритянской лексики: основной словарный фонд (общий для всех западноарамейских диалектов), специфические самаритянские слова и выражения, гебраизмы, арабизмы, слова греческого происхождения. Особый раздел книги дает представление о самаритянском календаре и о различных системах летоисчисления, бытующих среди самаритян.

В «Приложении» даны образцы самаритянского «строгого письма» (колофон рукописи Пятикнижия, 1176 г. — с. 80) и полукурсива (подпись свидетеля под брачным контрактом 1658 г. — с. 81), пять небольших текстов различных жанров (афоризм и стих поэта IV в. Марке, отрывок из стихотворения поэта XIV в. Абед Эля, надпись IV в. самаритянском рисунке VII в.⁴ и запись из самаритянского календаря), а также палеографические таблицы (с. 86—89), составленные на материале самаритянских документов XVI—XIX вв. из собрания А. С. Фирковича, отражающие развитие «строгого» письма и полукурсива в указанный период. Ценность всех этих образцов и таблиц несомненна. Однако, на наш взгляд, было бы логичнее и нагляднее поместить образцы двух типов письма рядом с палеографическими таблицами.

Приложенная к книге «Библиография», насчитывающая 133 названия печатных изданий (монографий и статей), имеет самостоятельное значение как один из немногих существующих до сих пор и, пожалуй, самый полный указатель литературы о самаритянах. К сожалению, в этой библиографии не отмечены каталог коллекции Э. Н. Адлера (Еврейская теологическая семинария, Нью-Йорк), хотя в этой коллекции хранится более шестидесяти самаритянских рукописей,⁵ и две большие статьи М. Гастера о самаритянах и самаритянской литературе, написанные для «Энциклопедии ислама».⁶ Фундаментальная работа З. Бен-Хайма «Литературная и устная традиция древнееврейского и арамейского языков у самаритян»⁷ отражена в «Библиографии» лишь отдельными частями (№ 26, 27); первый том этой работы в «Библиографии» вообще не фигурирует, хотя на него есть ссылка в книге (с. 22).

Книга заканчивается списком использованных рукописей, хранящихся в библиотеках СССР. Этот список отражает исключительное богатство и разнообразие самаритянских рукописных фондов нашей страны, особенно Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-

³ Вильскер Л. Х. Исследование самаритянского языка. Автореф. канд. дисс., М., 1970, с. 14.

⁴ См.: Вильскер Л. Х. Об одном самаритянском изобразительном памятнике в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. — Зап. Отдела рукописей, 1971, вып. 32, с. 73—80 (Гос. ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина).

⁵ Adler E. N. Catalogue of Hebrew manuscripts in the collection of Elkan Nathan Adler. Cambridge, 1921, p. 154—156.

⁶ Gaster M. 1) Samaritains; 2) Littérature samaritaine. — In: Encyclopédie de l'Islam, t. IV. Leide—Paris, 1927, p. 128—134.

⁷ Ben-Hayim Z. The literary and oral tradition of Hebrew and Aramaic amongst the Samaritans, vol. 1—3. Jerusalem, 1957—1967.

Щедрина. Однако расположение материала в этом списке произвольное, не подчинено никакому логическому (систематическому) принципу. Вызывает возражения включение рукописных источников в общую нумерацию «Библиографии», тем более что в некоторых разделах самаритянской коллекции Фирковича (напр., девятом — «Поэзия и литургия») точное число рукописей пока не установлено, так как их полное научное описание еще не завершено.

Широкое использование рукописей (в том числе открытых и впервые изученных автором) является сильной стороной исследования. Именно привлечение рукописного материала позволило Л. Х. Вильскеру сделать ряд новых выводов об особенностях самаритянского языка. В различных местах книги то и дело встречаются ссылки на рукописи Публичной библиотеки и других советских хранилищ. Между тем существующие обзоры самаритянского собрания Фирковича, составленные Б. А. Дорном, Д. А. Хвольсоном и А. Я. Гаркави,⁸ устарели, а собрание самаритянских рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР до последнего времени не имело ни печатных каталогов, ни обзоров.⁹ Поэтому в рамках данной работы была бы уместна хотя бы краткая общая характеристика самаритянских рукописей советских хранилищ.¹⁰

Бросается в глаза необычная передача арабского междузубного *z* через *z* в слове *yuḥaz* (с. 76), в то время как в международной латинской транскрипции этот звук передается через *d*;¹¹ точная транскрипция этого слова (имперфект — пассив глагола *'aḥada*) должна быть *yu'ḥad* (букв. «он взят»).

Общий высокий полиграфический уровень издания несколько омрачается серьезной опечаткой: на карте, иллюстрирующей места расселения самаритян в прошлом и в настоящее время, отсутствует название главного центра самаритян — Набулуса (вместо «Набулус» напечатано «Нахал-Хевер»!).

В целом же книга Л. Х. Вильскера представляет собой серьезное исследование — своего рода введение в самаритянскую филологию, грамматику и палеографию. Эта книга безусловно будет способствовать активизации научной работы в области самаритяноведения и в смежных областях семитологии.

В. В. Лебедев

⁸ Отчет Публичной библиотеки за 1870 г. СПб., 1872, с. 9—23; *Н а р к а в у А.* The collection of Samaritan MSS at St. Petersburg.— In: *N u t t J.* Fragments of a samaritan Targum. London, 1974, p. 153—167.

⁹ Лишь недавно самаритянские рукописи ЛО ИВАН СССР получили описание в каталоге: *S h u n n a r Z.* Katalog samaritanischer Handschriften, Bd. I. West-Berlin, 1974, S. 151—162 (Anhang II).

¹⁰ Ср.: *В и л ь с к е р Л. Х.* Исследование самаритянского языка. . . , с. 6—8

¹¹ См., например: *З а в а д о в с к и й Ю. Н.* О системах транскрипции и транслитерации для хамито-семитских языков.— Семитские языки, вып. 1. М., 1963, с. 173.